

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ольга Сконечная

РУССКИЙ ПАРАНОИ/
ДАЛЬНЫЙ РОМАН

Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков

Ольга Сконечная

**Русский параноидальный
роман. Федор Сологуб, Андрей
Белый, Владимир Набоков**

«НЛО»

2015

Сконечная О.

Русский параноидальный роман. Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков / О. Сконечная — «НЛО», 2015

Страх преследования – один из фундаментальных человеческих страхов. В определенный момент культурной истории он порождает большую литературу. Почему это происходит? Как воплощается параноидальное мышление в структуре романа? Как вплетаются в эту структуру бродячие сюжеты массового сознания: масонский заговор, круговая порука зла, вездесущий и многоликий враг, конец света? В этой книге знаменитые русские романы XX века «Мелкий бес» Ф. Сологуба, «Петербург» А. Белого, «Приглашение на казнь» В. Набокова прочитаны в свете популярных в начале столетия клинических теорий и философских систем. В оформлении обложки использованы иллюстрации А. Белого к роману «Петербург». 1910. ГЛМ.

Содержание

Введение	5
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Сконечная

Русский параноидальный роман. Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков

Введение

В жутковатом пейзаже стриндбергского «Ада» попадает множество случайных предметов. Среди них сухие веточки на дорожке Люксембургского сада, которые лежат там как будто просто так, но в действительности они служат шифром, отчетливо указывающим на нечто. Они – улика потусторонних сил и материализация направляющей героя «невидимой руки». Поскольку весь текст – некое, почти документальное свидетельство духовного опыта, эти веточки – часть его, запечатленный автором знак или сигнал, подтверждающий, что этот мир – арена действия духов. «Когда однажды утром я иду по Rue de Fleurus... и захожу в Люксембургский сад, который в полном цвету прекрасен, как сказка, то нахожу на земле два сухих, оторванных ветром сучка. Своей формой они напоминают две буквы: р и у. Я поднимаю их, и меня вдруг озаряет мысль, что Р-у – это сокращение фамилии Поповский (Popoffsky). Он, значит, все-таки преследует меня, и высшие силы хотят уберечь меня от опасности»¹.

Те же веточки встречаем мы в философском пейзаже Делеза и Гваттари, пейзаже, запечатлевающим не столько физическое, сколько мысленное пространство, особую мысленную траекторию: «... жена как-то странно посмотрела на вас; а утром консьерж вручил вам письмо из налоговой инспекции и скрестил пальцы; потом вы наступили на кучу собачьего дерьма, увидели две деревяшки на тротуаре, соединенные подобно стрелкам часов; они шептались за вашей спиной, когда вы вошли в контору. И не важно, о чем все это говорит, оно всегда что-то означает»². Странный взгляд – скрещенные пальцы – соединенные деревянные – все это вновь знаки, не ясные, но нарочитые и потому враждебные. Сделавшись стрелками, веточки-деревяшки указывают здесь на способ познания действительности. Вполне возможно, что в качестве эмблемы они отсылают не только к упомянутым рядом пациентам Бинсцвангера и Ариети, но и к нашему фрагменту из Стриндберга: недаром авторы говорят о нем в том же тексте. Согласно Делезу и Гваттари, эта нота, или таинственный и губительный привкус реальности, является нам в обыкновенном процессе познания, в нормальной семиотической процедуре, «означающем режиме», ибо он, как считают философы постмодерна, по природе своей «деспотичен». В этом скольжении от знака к знаку самой деспотией языка, его законом навязывается тень смысла – таинственного и агрессивного, подобного текучей, неопределенной «мане» туземцев, магической субстанции, оседающей на предметах. «Мы оказались в ситуации, описанной Леви-Строссом: мир начинает означать до того, как мы знаем, что он означает: означаемое дано, не будучи известным»³.

Мы далеки от того, чтобы руководствоваться столь глобальной посылкой. Дальнейшее исследование скорее базируется на предположении о кризисных периодах культуры, благо-

¹ Стриндберг А. Ад // Стриндберг А. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Книгоиздательство «Современные проблемы», 1909. С. 111.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 188.

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 188.

приятствующих расцвету параноидально-мистического мышления в форме философских, художественных (и бытовых) построений. Здесь, по-видимому, можно вспомнить о ситуации смены или перестройки «эпистемы», если перейти на язык М. Фуко, смены условий или способа мышления. Может быть, нечто подобное подразумевает Ж. Лакан, замечая, что в истории человечества бывают моменты, когда приходят «новые означающие». «Появление новой сферы, например новой религии, не есть нечто такое, с чем мы можем легко справиться. <...> Возникает переворот значений, изменение общего чувства... а также и все виды феноменов, называемых откровениями, которые могут показаться достаточно разрушительными, чтобы термины, которыми мы пользуемся при психозах, были в отношении к ним вовсе не применимы»⁴.

Моментом вспышки новых смыслов явился рубеж веков, и эти новые «означающие» приводятся у Фуко как идеи, радикально поменявшие вектор и модус мысли, и также статус литературного текста. Среди них: «утопия причинного мышления» как «конец истории», попытки опознания «немыслимого», т. е. бессознательного, под разными личинами, кризис классического субъекта в философии и размывание индивида в литературе⁵.

В самом деле, развертывание этих тенденций происходит на особом фоне. Страх, ожидание ужаса и готовность к нему, ощущение тотальной угрозы, подозрительность мистически-окультиного и политического толка составляют колорит времени. Характерное для эпохи переживание преследования воспринимается как нечто подлинное, как знамение глубинной наблюдательности и посвященности. Это состояние описано А. Стриндбергом, свидетельствующим изнутри процесса: «Произошло столько ужасного, непонятного, что колебались даже самые неверующие. Бессонница усиливается, нервные припадки учащаются, видения в порядке вещей, творятся истинные чудеса. Все ждут чего-то»⁶. «... Странное время, в котором мы живем: оно перевернуло весь мир. Воцарились таинственные силы!»⁷ «Я пытаюсь утверждать, что мы находимся лицом к лицу с новой эрой, “в которой духи пробуждаются и хорошо становится жить”. Эти *angina pectoris*, приступы бессонницы, все эти ночные страхи, которые пугают наши чувства и которые врачи охотно причисляют к эпидемическим заболеваниям, не что иное, как дела невидимых сил»⁸.

В духе Фуко можно заметить, что в это «странное время» необычен сам статус безумия. Точнее, патологическое оказывается в предельной близости к искусству, составляет его материал, вдохновляет его творцов. Очевидное подтверждение этой близости – декларации и творчество декадентов, как и восприятие их фигур в отчетливой раме диагноза. Со стороны психиатров и социологов близость оправдывалась теорией дегенерации⁹. Так, И. А. Сикорский собрал произведения подлинной «патологической литературы», трактаты о «всемировом двигателе», «тайне языка», «кристаллах духа» и проч., и на основе их описал новую клиническую форму, которую назвал «*Idiophrenia paranoïdes – своеобразный умственный склад, сходный с помешательством и напоминающий по своей внешности параною*»¹⁰. В подтверждение термина Сикорский замечал, что авторам свойственно «параноидное мышление», «характеризующееся наличностью идей величия в соединении с идеями преследования»,

⁴ Lacan J. Les Psychoses // Le Séminaire. Livre 3. Paris: Seuil, 1981. P. 226.

⁵ См: Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. С. 344–345, 363, 419 и др.

⁶ Стриндберг А. Ад. С. 257.

⁷ Стриндберг А. Легенды // Стриндберг А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2010. С. 9.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ См. оценки русских символистов и декадентов в русле психопатологии и теории дегенерации в книге: Сироткина И. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 71–82, 152–159.

¹⁰ Сикорский И. Русская психопатическая литература, как материал для установления новой клинической формы – *Idiophrenia paranoïdes* // Вопросы нервно-психической медицины. Киев, 1902. № 4. С. 43.

а также «несомненные способности в области символического мышления», проявляющиеся, однако, в том, что пишущие опираются «не на логику фактов, а на логику слов, заменяя истинные фактические основы предмета фиктивными, символическими», отчего, скажем, параграф, трактующий о душе, превратился у больного автора в «параграф о пищеварении и выделениях, а самая душа получила такой грубо-материалистический облик, какого она не имела у самого крайнего материалиста»¹¹. «*Idiophrenia paranoidea*, – замечал Сикорский, – часто сочетается со склонностью к литературным занятиям, и открытая форма, по его мнению, получала “наибольшее значение” в виду ее близкого отношения к тем новым (а может быть и не новым!) течениям в литературе и искусстве, которые известны под именем *символизма и декадентства*»¹². С другой стороны, психиатр-либерал, светский человек, ценитель искусств и литератор, председательствующий в Кружке свободной эстетики, Н. Н. Баженов пытался осознать это притяжение литературы к патологии по-иному. Он предпочитал «дегенерации» Маньяна и Нордау идею «прогенерации», сложностей переходного периода на пути к высшему психическому типу. По словам И. Сироткиной, «называя декадентов “вырождающимися”, Баженов видел в них материалы, собранные великим зодчим для создания чудного, но еще не построенного здания»¹³. Впрочем, если верить Белому, в участниках Кружка Баженов видел «пациентов», да и вообще был одним из средоточий мирового масонского зла¹⁴. Со своей стороны, писатель вывел его в романе «Маски» в фигуре репрессивного психиатра, это зло проводящего.

Вместе с тем интересно другое. Литература стремится заимствовать специальный язык болезни и во многом делает это благодаря представлениям патологических картин в учебниках. Уже старинная психиатрия повествует о симптомах душевного расстройства как о мире иного, автономного сознания. Она говорит о «бредe значений», добавочном смысле, который примешивается к восприятию реальности. Болезнь сказывается не просто в ложном, но особенном складе мысли: «Явилось в небе облако, это – символ грозящей от врагов беды, рост деревьев, вид местности – все наводит его на те или другие соображения... эти намеки видит он также в рисунках на обоях»¹⁵. Больной по-особому внимателен и проницателен по отношению к действительности. Уличная разногласица звучит для него симфонией оскорблений. Он угадывает обидный смысл в мелодиях, которые насвистывают мальчишки, «он и в чирикание птиц подслушивает насмехательство над собой». Психиатры специально отмечают необычность восприятия слова и удивительные операции, которым оно подвергается у больных. Бред черпает свой материал в случайных репликах, газетных объявлениях, заметках, расписании поездов, названиях лавок, в церковной проповеди и Священном Писании. Уже замечено, что превращение необязательного и невинного в угрозу, откровение или пророчество, иными словами, все то, что называет Корсаков «невозможными символическими перетолкованиями», осуществляется подчас именно средствами языка: переставлением слогов, акцентированием фонетической оболочки и проч.

Важным источником информации о галлюцинаторных грезах на рубеже веков явилась книга В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» (1885), неоднократно упоминаемая Андреем Белым. Будучи душевнобольным, Кандинский работал во время ремиссий, и потому его знание болезни обладало особой подлинностью. Кандинский сосредоточился на эмпирических процессах психоза, воссоздав болезненную работу сознания как сложный двигатель, настоящий «аппарат влияния», «параноидную машину», о которой впоследствии

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 43.

¹³ Сироткина И. Указ. соч. С. 93.

¹⁴ См.: Белый А. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. С. 215.

¹⁵ Корсаков С. Курс психиатрии. М.: Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1893. С. 118.

напишут Делез и Гваттари, – «машину», которая отчуждает индивида от собственных мыслей, слов и поступков. Его описания бредовых грез подробны и яркие и как бы не вполне опосредованы той дистанцией здравого смысла, которая отделяет их от читателя в рассудительных пересказах Крафт-Эбинга или Корсакова. Эти описания погружают в специфическую реальность, выдавая ее устройство: «некая машина», «вроде как бы сложного токоизбирателя, дававшая возможность оперировать с совокупностью множества систем гальванических батарей, путем различнейших, более менее сложных комбинаций этих систем...»¹⁶, позволяющих защититься от «электрических депеш» или ударов «говорящего тока», которые посылает враг, «корпус тайных агентов» «третьего отделения», он же «орден токистов»¹⁷. Свидетельства Кандинского показывают тот удивительный сплав мистики, политики, техники, из которого вылита новая действительность бреда. В его передаче она оживает и демонстрирует собственную работу, собственный прием, сопоставимый с приемом литературы.

Один из примеров поразительной близости литературного и клинического обнаруживается в позднем творчестве столь модного в России Августа Стриндберга, в особенности в его романах «Ад» и «Легенды». Так, болезненная фантазия одного из персонажей, представляющая для автора не столько болезнью, сколько опять же симптомом времени, знамением его «таинственных сил», в точности повторяет бред знаменитого параноика Д. П. Шребера, относящийся к тому же периоду и превращенный в книгу им самим. У Стриндберга рассказывается: «Молодой человек, прошедший первую молодость в совершенной чистоте и воспринявший самые строгие принципы, вступил в жизнь при самых благоприятных условиях. <...> Но однажды совершает он поступок, который не одобряет его совесть. После этого ничто уже не может его успокоить. <...> Душевный кризис достигает страшной высоты. <...> Ему кажется, что он скончался; он во всех комнатах слышит заколачивание гробов. Когда он берет в руки газету – разум его по-прежнему светел, – ему кажется, что вот-вот он прочитает объявление о своем собственном погребении. В то же время на теле делается частичное разложение, сопровождаемое трупным запахом, что отталкивает всех от его кровати и пугает его самого. <...> Он и теперь ясно сохранил воспоминание о том, что в то время все окружающие казались ему бледными или голубовато-бледными. Когда он вставал, чтобы взглянуть на улицу, все прохожие казались ему невероятно бледными... у молодого человека было такое чувство, что действительность, без сомнения, превышает все, что ему кажется, и всему он приписывал символическое значение. В каждой книге, которую он открывал, видел он намек на себя...»¹⁸ За исключением возраста все совпадает здесь с опытом Шребера: в «Мемуарах нервнобольного» присутствуют те же мотивы и те же подробности: переживание «проступка», благоприятное начало карьеры, душевный кризис, уверенность в собственной кончине, подтвержденная информацией о ней в газетах и намеками в книгах, а также признаками разложения, затронувшими телесный состав, и наконец представление о других как о «голубовато-бледных» умерших... Хронологически Стриндберг не мог читать Шребера (книга вышла в 1903 году), а Шребер – «Легенды» Стриндберга (шреберовские идеи складываются до выхода «Легенд» в 1898 году). Совпадения объясняются только характерным набором компонентов, окрашенных единым колоритом эпохи, ее «опытами научного мистицизма», по выражению Стриндберга, ее сплавом натурализма, религиозности, техницизма, характерными для обоих авторов. Эти совпадения свидетельствуют и о том, сколь легко одно переходит в другое: показания бреда поселяются в картинах текста.

¹⁶ Кандинский В. О псевдогаллюцинациях. СПб.: Фонд «Содружество», 2001. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Стриндберг А. Легенды. С. 24.

Вместе с тем, согласно авторитетной точке зрения К. Ясперса, «Ад» и «Легенды» написаны Стриндбергом «на высоте процесса»¹⁹, то есть на стадии развившегося психоза. В самом деле, в них обнаруживаются черты, разоблачающие патологическую, а не художественную мотивировку пишущего²⁰: монотонность и вязкость сюжета, где бесконечно восстанавливается сцена оккультного преследования персонажа, особая, сновидческая невыразительность деталей, особый физиологизм духовных откровений (ибо «духи стали натуралистичны, как время, не довольствующееся больше видениями»²¹), особая конспирологическая логика и т. д.

Показательно при этом, что читатель-современник, автор предисловия к русскому переводу «Ада» (1909), не воспринял текст как клинический. В. А. Фриче увидел «манию преследования» стриндберговских героев и самого Стриндберга как социальный феномен, характеристику ущемленного класса. «Теснимая выходцами из низших классов и фалангой эмансипированных женщин, все дальше отодвигаемая от власти над миром, “новая аристократия” начинает испытывать такое чувство, будто весь мир находится в заговоре против нее, точно ее хотят стереть с лица земли. Это групповое чувство, не содержащее в себе, по существу, ничего патологического, легко может принять в душе отдельных личностей, принадлежащих к этой группе, личностей неуравновешенных и чрезмерно впечатлительных, характер болезненного явления. Члены “новой аристократии” начинают страдать манией преследования. Уже философу Боргу казалось, что он стоит одиноко среди явных и тайных врагов, и это настроение, завершающее собой роман «На шхерах», переходит в явное безумие в следующем крупном произведении Стриндберга, в душе самого автора, рассказывающего свою исповедь. Стриндберг сообщает на каждой странице этой исповеди, озаглавленной “Ад”, что он со всех сторон окружен шпионами, что его хотят убить при помощи электрических токов, что даже само небо направляет свои молнии специально против него. Иногда его преследователями являются отдельные личности, доктор, который его лечит, русский эмигрант, убивший жену и детей, иногда это целые группы людей – иезуиты или теософы и в особенности феминистки, озлобленные его походом против эмансипации. В этих патологических переживаниях автора “Ада”, в этой непрерывающейся мании преследования отражается в субъективном преломлении сознание новой аристократии среди враждебного демократического общества»²². Фриче здесь оказывается в русле социологической трактовки «ресентимента», первой философии зависти и обиды, созданной Ницше, и развиваемой позднее в том же, как и у Фриче, социологическом ключе М. Шелером²³.

Что до русских символистов, то для Блока и Белого «Ад» и «Легенды» и вся стриндберговская «мания» были знаком гениального чувства времени, мистическим даром души, крестным путем и высокой болезнью, симптомы которой они узнавали в себе самих. В Стриндберге запечатлевалось для них мучительное рождение нового человека, сопровождаемое «утонченной из пыток – преследованиями в оккультной форме» и необходимо-

¹⁹ Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. СПб.: Академический проект, 1999. С. 74. Ср. критику этой позиции: Сироткина И. Был ли Стриндберг душевнобольным? // Ибсен, Стриндберг, Чехов. М.: РГГУ, 2007. С. 243–256.

²⁰ Ср. иную точку зрения Е. Бальзамо: «Прочитав множество трудов по психиатрии, он после 1886 года достигает удивительной легкости в изображении психических расстройств и, сознательно сгущая краски, набрасывает клинические портреты персонажей, в том числе и своих литературных альтер-эго...» (Бальзамо Е. Август Стриндберг: Лики и судьба. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 182).

²¹ Стриндберг А. Ад. С. 99.

²² Фриче В. Предисловие // Стриндберг А. Ад. С. 16.

²³ Ср. о книге М. Шелера «Ресентимент в структуре моралей» в этом контексте: Boltanski L. Enigmes et complots. Paris: Gallimard, 2012. P. 249–257.

стью сопротивляться «плотной среде цивилизации, которая имела своих агентов и шпионов, следивших за ними»²⁴.

О чем говорит характерное для времени сближение искусства и патологии, «профессорское» отождествление новаторов с умалишенными, узнавание себя в клинических манифестациях со стороны художников и др.? Во-первых, и это хорошо известно, о значимости идеи, или философии безумия, для символистской культуры. Во-вторых, о стремлении воспроизвести безумный способ мышления, который переживается как актуальный и родственный. Нас интересует именно это стремление. Точнее, художественная необходимость воссоздать некоторый его тип, найти его литературную форму.

Оглядываясь на идеи Игоря Смирнова, повлиявшие на замысел этой книги, – о характерах, сменяющих друг друга на культурной сцене, мы готовы, вслед за автором русской «психоистории», принять истерическую модель символизма, ровесника фрейдовской концепции истерии²⁵. Заметим, что «истерическая» версия находится в согласии с известной леви-строссовской характеристикой шамана, чья роль состоит в предоставлении пациенту «языка», «с помощью которого могут непосредственно выражаться неизреченные состояния и без которого их выразить было бы нельзя»²⁶.

Символисты, любящие и сами сравнивать художника с магом и колдуном, также порождают язык символов, соединяющих мир явлений с миром неведомого, и в этом соединении стремятся к победе над ужасом данности и недр собственного «я». Вместе с тем, в русле этой стратегии, возникает ряд текстов не только не побеждающих, но утверждающих губительную основу бытия, посягающую на целостность мира и человеческого индивидуума, текстов, явно подражающих бреду преследования. Если истерия, по Фрейду, создает символы, то паранойя, напротив, их разбивает, дробит, рассредоточивает. «Подобное рассредоточение вообще типично для паранойи, так же как сгущение для истерии. Точнее говоря, при паранойе происходит распределение всего того, что подверглось сгущению и отождествлению под воздействием бессознательной фантазии»²⁷.

Какой смысл обретает параноидальное мышление в символистских текстах, почему оно возникает и как воплощается; что такое параноидальная поэтика – этими, более или менее рискованными вопросами мы хотим заняться в дальнейшем. Однако, чтобы приступить, нужен клинический образец, задающий основу или «рабочую» модель. И здесь – никуда не уйти от классического случая и его, также сделавшихся классическими, описаний.

²⁴ Блок А. А. Крушение гуманизма // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 6. С. 108. Ср. об атмосфере Стриндберга: Иванов Вяч. Вс. Блок и Стриндберг // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 126–148.

²⁵ См.: Смирнов И. П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение. С. 131–178.

²⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 228.

²⁷ Фрейд З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи (dementia paranoides), описанном в автобиографии // Фрейд З. Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. Т. 3. С. 113.

Глава 1

Вокруг Шребера

История Шребера – хрестоматийный эпизод душевной жизни человечества. Едва ли он может быть обойден в контексте нашей темы, хотя книга в ту пору вряд ли была широко известна русской публике, как и анализ Фрейда, ей посвященный. И все-таки «Мемуары нервнобольного», изданные в 1903 году Освальдом Мутце, «известным, в первую очередь, публикациями оккультной и теологической литературы, точнее – литературы так называемого “научного спиритизма”»²⁸, особенно ценны для нас в силу эпохи и, конечно, авторской записи, уникально сочетающей патологию и стиль, фигуру бреда и повествовательный прием. Виктор Мазин в книге, посвященной шреберовской паранойе в восприятии Фрейда и Лакана, подчеркивает привязанность текста ко времени и симптоматичность для последующей за ним мировой истории: «Шребер безо всякого смущения выговаривает не только свои секреты, о чем пишет Фрейд, но еще и тайны истории современности. Шребер описывает кризис наук и Просвещения, крушение отношений между людьми и Богом, распад пола и рода, развал Мирового порядка, разложение Закона»²⁹.

Мир Шребера, этот богатый психологическим, лингвистическим, геополитическим, историческим содержанием бред, многожды демонстрировался читателю. Тем не менее прибегнем к еще одному, краткому и схематичному изложению, нужному нам в виду следующих размышлений³⁰. Не забудем при этом и о «научном мистике» Стриндберге, который тут не раз отзовется.

Как известно, Д. П. Шребер был добропорядочным немцем, сделавшим успешную юридическую карьеру и исповедующим просвещенный скептицизм. «Дитя просвещения, один из последних его плодов», по выражению Лакана, чуждый религии по семейной традиции. Его болезнь, начавшаяся как бессонница и депрессия, впоследствии прогрессирует в тяжелый бред преследования, действующими лицами которого становятся судья Шребер, его лечащий врач, специалист по нервным болезням, Флехсиг (заметим, что врач-невролог в качестве преследователя действует и у Стриндберга) и сам Господь Бог. Председатель сената Верховного суда Саксонии оказывается вовлечен в сложную интригу, строящуюся на его двусмысленных отношениях с доктором и Создателем. Первый поначалу сочетает в себе роль избавителя, лечащего болезнь, и вредителя. Довольно быстро вторая миссия вытесняет первую, и Флехсиг предстает недругом и главой заговора против собственного пациента. Что до Бога, то Его роль раскрывается перед Шребером постепенно. «Что сам Бог был сообщником, если не главным инициатором плана... эта мысль пришла ко мне только значительно позже...»³¹

Конфликт разгорается вследствие удивительно тесной связи, в которую вступает Бог с душой судьи. Желая помешать этому и используя свою магическую профессию, Флех-

²⁸ Мазин В. Паранойя. Шребер – Фрейд – Лакан. СПб.: Скифия-Принт, 2009. С. 20. В книге приводится развернутый обзор работ о «Мемуарах нервнобольного». См. в частности о влиянии на Шребера литературы «научного спиритизма»: Hagen W. Warum sagen Sie's nicht (laut) // Schreber D. P. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. S. 245–265.

²⁹ Мазин В. Указ. соч. С. 11.

³⁰ Впервые соотнес идеи Шребера с духовными исканиями русского символизма Магнус Юнгтрен в книге Andrej Bely's «Peterburg». The Dream of Rebirth (Stocholm, 1982). См. также работы: Géry C. Une histoire de la folie à l'Age d'argent («Le Démon mesquin de Sologoub») // L'Age d'argent dans la culture russe. Modernités russes 7 Lyon: Edition de l'Université Jean-Moulin Lyon 3, 2007. P. 279–290. Отметим, правда, что в указанных исследованиях «Петербург» Белого и «Мелкий бес» Сологуба рассматриваются сквозь призму не собственно книги Шребера, но ее анализа у Фрейда.

³¹ Schreber D. P. Mémoires d'un névropathe. Paris: Editions du Seul, 1975. P. 63.

сиг пытается воздействовать на нервы своего подопечного. Вместе с тем соединение Бога со Шребером, притягивающим Создателя точно магнит, каким-то образом способствует усилению нервозности в мире, который и без того несовершенен. Теперь, из-за небывалого богочеловеческого союза, искрящего эротическим электричеством, под угрозой сама целостность мироздания. Под угрозой и Шребер, его рассудок, его телесный состав, наконец, его мужественность. Переживаемое им и Богом соединение разрушительно и чревато энтропией.

Ему изначально объявлено: все, что происходит и творится, восходит к заговору, цель которого похищение и убийство его души. («Такого человека надо убить»³², – слышит о себе герой Стриндберга.) В течение некоторого периода он – в состоянии полуисчезновения. Одновременно он поглощает вселенную, и та вот-вот растворится в его теле. Исчезают люди, уступая место невнятным, тeneвым созданиям. Шреберу приходится пережить «сумерки мира», крушение плоти, получить, как и стриндберговскому герою, сообщение о собственной смерти. Но с некоторого момента дела поправляются, ибо он находит решение, спасающее его, мир, Бога и их любовь. Шребер соглашается на принятие новой женской природы и пребывает в процессе становления женщиной, представляя отныне мужеженщиной, подобной божественным андрогинам, хотя и не столь невинной. Все устраивается, ибо теперь «он играет роль посредника между человечеством, потрясенным до последней основы существования, и той божественной силой, с которой он состоит в столь необычном контакте»³³. В новой роли он даже видит себя породителем будущей расы, зачинателем нового, истинно благодатного человечества. Уступка женственности ведет к сохранению и возвращению почти исчезнувшей реальности, нахождению в ней пусть неполной, плохонькой, но все же гармонии.

Впрочем, само понятие «реальности» в шреберовском тексте специфично и соответствует тому статусу, который был определен М. Мерло-Понти в отношении «объективности» галлюцинаций: эта реальность переживается больным его собственной, несоединимой с реальностями других, она не объективна, она – значима. При этом Шребер, как не раз говорил Фрейд, а потом Лакан, опровергает некоторые устойчивые мнения о паранойе, высказанные классической психиатрией, в частности Крафт-Эбингом и Крепелином, с которыми сам судья не раз вступает в полемику. Что такое паранойяльная убежденность? В действительности ли сотворенная бредом картина мира воспринимается больным без всякой критики и сомнений? «Я приговорен к смерти! Это мое новое убеждение», – заявляет Стриндберг. И при этом недоумевает: «Но кем? Русскими? Ханжами? Католиками? Иезуитами? Теософами?»³⁴ Преобладающая интонация шреберовской книги также говорит нам, что его убежденность – особого рода. В первую очередь, он убежден в том, что происходящее с ним совершенно исключительно, никогда и ни с кем, кроме него, не случилось и по всем законам мироздания не должно было случиться. «Не может быть столкновения между интересами Бога и человеческих индивидуумов, если эти последние согласуют свое поведение с миропорядком. Если все же, в моем случае, такому конфликту суждено было разгореться... так это в силу стечения обстоятельств, беспрецедентного в истории мироздания и которое, смею надеяться, никогда более не случится»³⁵. Бредовая реальность Шребера существует как нечто исключительное, небывалое, нарушающее законы. Она существует субъективно

³² Стриндберг А. Ад. С. 160.

³³ Lacan J. Les Psychoses. P. 90.

³⁴ Стриндберг А. Ад. С. 143.

³⁵ Schreber D. P. Mémoires d'un névropathe. P. 70.

или индивидуально: в его голове, его мыслях, его теле, его вселенной, и больной, как говорит Фрейд, «старается не путать мир бессознательного с реальным миром»³⁶.

Поэтому на момент написания «Мемуаров» воспоминание о том, что «разразилось» в острый период, названный Шребером «священным», хотя и по-прежнему носит для него глобальный, даже космический характер, все же допускает существование другой, обычной действительности, где нет ничего подобного и все, в том числе время, течет по старинке, исчисляется календарем и подтверждается газетами. Он говорит, что интервал, длившийся, по мнению людей, всего три-четыре месяца, в его действительности был огромен, «как если бы каждая ночь простиралась на много веков, и, таким образом, в громадном отрезке времени, среди человеческого рода, на земле и в солнечной системе могли произойти глубочайшие изменения»³⁷. Лучи объявили ему тогда, что Земле осталось существовать каких-то 212 лет, и затем он даже полагал, что и этот срок уже истек.

Так же обстояло и с пространством. Да, он притягивал небесные тела и планеты, созвездия и т. п. Но это не значит, что «по-настоящему» менялась небесная карта. «...Я думаю, что известия о потере той или иной звезды или созвездия не имели отношения к самим звездам... я, в самом деле, могу сейчас, как и прежде, констатировать их присутствие на небе...» Эти катастрофические потери относились к особой субстанции или процессу не объективно-физическому, но чувственному, сообщающему небесные тела с его собственным. Они относились, говорит Шребер, «только» к «аккумуляированию блаженства под названными звездами»³⁸.

Особому измерению принадлежат и действия, «маневры» враждующих сторон. Я могу, говорит Шребер, поджечь дом, что стоит поблизости, или выкинуть нечто подобное. «Разумеется, это происходит только в моих мыслях, но, однако, таким образом, что кажется в самом деле, будто лучи переживают это так, точно предметы или названные действия обладают действительным существованием»³⁹.

Лакан подчеркивает: параноик убежден не в том, что новый мир существует, но в том, что он существует по отношению к нему. Как выражается стриндберговский герой, наблюдая грозу: «Каждая молния предназначена специально для меня, но ни одна не попадает в цель»⁴⁰. Реальность существует как воздействие или как интенция. Интенция, задающая особую закономерность, особое должествование, более действительное, чем факты. Шребер не знает, получил ли он «в действительности» сообщение о собственной смерти, умер ли он «по-настоящему», – но утверждает, что если это и было «видение», «галлюцинация» – «оно происходило из системы, то есть здесь присутствовала определенная логика, которая в любом случае позволяла мне открыть намерения, имевшиеся в отношении меня»⁴¹.

«Намерение», «политика» Бога, политика Флехсига, система, заговор – в этих словах тонет случившееся, «фактически» произошедшее. Так, само отсутствие заговорщиков подтверждает для Стриндберга чистоту и тотальность связующей модели: «Постоянное отсутствие кого бы то ни было! Разве не указывает это на то, что в заговоре против меня решительно все!»⁴²

Если отделить шреберовскую реальность от обычной, можно увидеть, что первая есть та, на которую воздействуют (или которую творят) божественные лучи. Шреберов мир –

³⁶ Фрейд З. Психоаналитические заметки. С. 107.

³⁷ Schreber D. P. Mémoires d'un névropathe. P. 72.

³⁸ Ibid. P. 88.

³⁹ Ibid. P. 193.

⁴⁰ Стриндберг А. Ад. С. 196.

⁴¹ Schreber D. P. Op. cit. P. 79.

⁴² Стриндберг А. Ад. С. 159.

мир лучей и нервов, универсальная субстанция, то, из чего все состоит. Книга и начинается в духе старинной натурфилософии. «Человеческая душа состоит из телесных нервов»⁴³.

Из нервов состоит и Бог: в отличие от человеческих, его нервы бесконечны, ибо способны превращаться во все что угодно. «В этой роли они называются лучами»⁴⁴. Способность к трансформации лучей – сущность созидательной силы Бога. Нервы и лучи – нечто протяженное и даже бесконечное (ибо свойство бесконечности впоследствии обретают и человеческие нервы Флехсига, и нервы Божьего избранника Шребера). Нервы и лучи – это ткань бреда и текста. Из них завязываются события и вывязываются действующие лица, на них зиждутся «политика Бога» и козни Флехсига, их «маневры» против Шребера и его ответные контрманевры.

Как заметил В. Нидерланд, Шребер весьма интересовался исследованиями в области нейрофизиологии, читал работы своего врача, знаменитого ученого-нейрофизиолога. В кабинете у того висел патолого-анатомический рисунок мозга. По Нидерланду, этот рисунок – один из источников идеи Шребера о том, что Бог (которого он соединял с Флехсигом) прежде всего интересуется нервами мертвых⁴⁵.

Флехсиг – специалист по нервным болезням, сам состоит из нервов и однажды возносится на небеса, делается «фюрером» лучей.

Нервы и Лучи протянуты через всю Вселенную, устилают и стягивают ее к одной точке – Шреберову телу. И также нервы вытягиваются (или похищаются) из его тела, чтобы обтянуть, обшить собою мироздание.

Они множатся, как светящиеся и шелковые нити, космическая паутина, собирающаяся в комки, как сеть железных дорог и телеграфа. Подобно железным дорогам, это универсальные связи, опутывающие собой весь мир (недаром Шреберу было так важно объяснить предку своего недруга, первому подстрекателю нарушения миропорядка, жившему в XIII веке, что такое железные дороги и какой переворот они внесли в развитие коммуникации).

Любопытно заметить, впрочем, что, заменяя свои магические нервы то телеграфом, то фонографом, Шребер перекликается с К. Дю Прелем, которого не раз упоминает в «Мемуарах». (Для Дю Преля эти аппараты бредовых грез – доказательство модной теории органопроекции: бессознательного создания техники по образу и подобию человеческих органов⁴⁶.)

Итак, шреберовский мир – мир воздействия или взаимодействия лучей и нервов. Закономерности этого взаимодействия подробно описываются автором, представая как некие пружины, или двигатели его текста. Лучи могут притягиваться и отдаляться – и это их свойство может поддержать или нарушить миропорядок. Притяжение осуществляется как подключение (вновь бред использует метафору тока и механизмирует физиологию и мистику⁴⁷, вновь вспоминаются страхи Стриндберга, зовущего себя «жертвой электричества»). Образуется так называемая «нервная связь», «соединение нервов», «Nervenanhang» – что-то вроде внутреннего переключателя, или приемника. Через «Nervenanhang» Бог транслирует идеи,

⁴³ Schreber D. P. Op. cit. P. 23.

⁴⁴ Ibid. P. 24.

⁴⁵ См.: Niederland W. The Schreber Case. London: The Analytic Press, 1984.

⁴⁶ См., например: «...технические аппараты суть не что иное, как копии с частей нашего тела, но копии, делаемые вполне бессознательно. <...> Так же надо и на сравнение органа слуха с фортепиано или нервной системы – с телеграфом. Даже новейшее изобретение, фонограф, имеет органический прообраз в головном мозгу, деятельность которого во время нахождения его обладателя в горячке совершается механически, так что больной слово в слово повторяет когда-то им слышанные, но позабытые речи» (Дю Прель К. Загадочность человеческого существования. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1904. С. 39–40).

⁴⁷ О соединении технического и оккультного дискурса у Шребера см.: Мазин В. Указ. соч. С. 125–127 и др.

настроения. Бог индуцирует и духовность, духовную благодать. Обычно это происходит с мертвыми или во сне. Случай Шребера явился исключением, что едва не привело к концу света. Лучи могут и отдаляться или быть злокозненно отведены от Шребера (и это пытается сделать Флехсиг). Удаление или отведение Богом лучей воспринимается Шребером как самая непереносимая мука. Но мучительно и опасно также и притяжение. В этом странная двойственность отношений, «дуализм» мироздания, как говорит Шребер.

Бросается в глаза следующий принцип отношений Шребера с новым миром. Эти отношения зеркальны. Стороны точно копируют друг друга: Шребер наделен теми же способностями, что и Флехсиг, а также и Бог и т. д. На каждый «маневр» лучей есть шреберовский «контрманевр». Также и лучи при появлении некоего «нового бога или апостола», обретшего пристанище в животе Шребера, «тут же» «запускают» «апостола антагониста»⁴⁸. Зеркальная двунаправленность отличает и действия врага: он вредит и сам же устраняет нанесенный урон, и, наоборот, «усилия, чтобы вылечить мою первую болезнь, чередуются с попытками меня разрушить»⁴⁹. В этом мире на всякий «фасон» имеется «контрфасон», маневр-перевертыш. Точно каждое действие непременно должно быть отражено в противоположном, компенсировано и нивелировано им. Удвоение может сопровождаться изменением трактовки, так что выходят, выражаясь в сегодняшнем духе, «двойные стандарты». Фраза или действие подаются как разрушительные, уничтожающие разум, если исходят от лучей. Но, будучи произведены Шребером, те же фразы и действия становятся защитными, например позволяют судье не отвечать на дурацкие вопросы.

Наконец, здесь есть точное повторение действия с сохранением его вектора: унижительные обвинения в греховности, утрате мужественности и т. д., которые то и дело выплывают лучами или звучат из уст доктора W, задним числом выговариваются собственно Шребером в порядке самообвинения, раскрывая таким образом свой первоисточник. И не раз создается впечатление, что враги просто кривляются и передразнивают друг друга. Так, в гостинице стриндбергского ада, в комнате, соседствующей с рабочим столом героя, поселяется «незнакомец», навязчиво повторяющий все движения и жесты героя. В зеркальном мире многие порой делаются совсем неотличимы, и уже непонятно, где кончается один и начинается другой. «Моя теща и моя тетка – два близнеца с удивительным сходством... поэтому я часто смешивал их в этой повести...»⁵⁰ – признается Стриндберг. «Смешивать», подменять одного другим умеет и Шребер.

Выделяется и другое свойство его лучевой реальности. Лучи способны дробиться. Дробность не только действует, но и заявлена как закон или стратегия, важная часть «политики». Так, «душа Флехсига ввела принцип дробления душ главным образом в целях захвата небесного свода» с помощью их «частиц», затем чтобы божественные лучи в случае их притяжения к телу Шребера «встречали со всех сторон препятствия»⁵¹. Дробность обеспечивает массовость, повсеместность и неуязвимость, так как нечто может существовать в своей части, версии, двойнике.

В этом мире все дробится, все множится, все занимает пространство и проникает друг в друга, исчезает и восстанавливается в каком-то другом месте. Дробность свойственна всем фигурантам шреберовской истории. Никто не представлен здесь целиком. Флехсиг существует как человек и как душа или ее часть. Или же он действует в нескольких пространственных версиях или фракциях: Флехсиг «верхний», «нижний» и «средний». Также и в Боге различаются «передние» и «задние» царства. Дробность агрессивна, но и примирительна,

⁴⁸ Schreber D. P. Op. cit. P. 104.

⁴⁹ Ibid. P. 59.

⁵⁰ Стриндберг А. Ад. С. 184.

⁵¹ Schreber D. P. Op. cit. P. 100.

компромиссна, ибо объясняет невозможную этическую двойственность Создателя: в сговор с Флехсигом Он вступает не весь, но только частью Своих задних царств. (Подобным образом пытается разрешить проблему божественной непоследовательности герой Стриндберга: «Сам ли Бог раздвоился или сатрапы его ссорятся? <...> Есть ли и там разделение на партии, с демократами-агитаторами и людьми, помогающими власти?»⁵²) Дробность в целом снимает противоречия.

Благодаря дробности душа существует помимо и отдельно от тела, человек не жив и не мертв, но жив и мертв одновременно. Земли нет, но она все-таки есть, как мироздание у Шопенгауэра, о котором мы не можем сказать, существует оно или нет. Сам Шребер чувствует, что давно умер, но и продолжает жить в каком-то своем теневом дубликате. Дробность обеспечивает и оправдывает бесконечную продолжительность или реставрируемость этого мира. Дробность воспроизводит и умножает сущности, но и растворяет их в чужом теле, чужой массе, она – залог увеличения, но и уменьшения. Вещи уменьшаются, стремятся к уменьшению, пребывают в дополнительной маленькой или остаточной форме. Уменьшение – этап на пути к исчезновению и вместе с тем пребывание в некой иной версии. В процессе пертурбаций лучей и нервов человеческий род исчезает, но остаются какие-то маленькие создания – «наспех сделанные люди» или подобию людей. Человечество, порожденное уже после конца света из головы Шребера, низкоросло, подобно пигмеям. Бог и самому Шреберу предлагает: «А не сделать ли мне Вас ростом пониже»⁵³.

Так же обстоит с умершими: «Из-за... возрастающей силы притяжения все больше и больше душ усопших... чувствовали себя привлеченными ко мне, чтобы затем рассеяться у меня на голове или в моем теле. Процесс часто кончался тем, что души, о которых идет речь, еще существовали в качестве “маленьких людей” – ничтожных фигурок человеческой формы, может быть, в несколько миллиметров высотой. Они пребывали... некоторое время, чтобы затем окончательно исчезнуть. <...> В иные ночи эти души в форме человечков сотнями если не тысячами... кубарем влетали мне в голову»⁵⁴.

Прежние, земные, люди донашивают себя в измененном, компактном варианте. Но и те, что возникли недавно на новой планете, родившись из шреберовского разума, очень малы. И вот уже они разводят крошечных животных, пропорциональных им по росту. Ничто, однако, не исчезает, ведь на пути исчезновения, энтропии, обращения в ничто, есть некоторые промежуточные формы сохранности – существование в частичной, вторичной или уменьшенной версии. Похоже, такая версия может определяться числом: многие сущности шреберовской среды предстают некоторым количеством: скажем, в его тело вторгается 240 монахов-бенедиктинцев и – вместе с ними – «одинокий дикий луч», представляющий за папу римского.

В тексте «Мемуаров», как заметил Лакан, есть выражение или термин, определяющий тенденцию к соединению, или поддержанию временной сохранности, тенденцию, долженствующую сдержать вихрь распада. Этот термин «крепление к землям», «*aggrimage aux terres*». По Шреберу, «крепление к землям» – один из маневров, к которому прибегает Флехсиг в целях уловления и отвода от Шребера божественных лучей. Он натягивает на небесный свод целый «занавес лучей», чтобы отключить больного от токов Создателя. Но к «креплению» (как и к дроблению и умножению) прибегают здесь все. Есть «крепление» к землям, небесному своду и есть «крепление» к числу. Есть также множество общностей, создающихся на основе каузальности: профессии, союза, корпорации и нации.

⁵² Стриндберг А. Легенды. С. 123.

⁵³ Schreber D. P. Op. cit. P. 131.

⁵⁴ Schreber D. P. Op. cit. P. 70–71.

Каузальность организует интригу. «Крепление» к профессии, религиозному ордену, студенческой корпорации задает расстановку сил.

Отношение к аристократическим кланам определяет происхождение заговора. Как говорит автор, история «катастрофы» восходит к истории семейств, принадлежащих к «самой высокой небесной знати». Возникает, уходя в глубь поколений, временная перспектива, которая, подобно пространственной дислокации противников, выступает с особой, свойственной бреду рельефностью. Эта рельефность – дань близкой гибели, ибо все уничтожается и все вот-вот оборвется. Время даже уплотняется в «бродячие часы» (они же души усопших еретиков, которые сохраняются в течение веков под колокольными средневековых монастырей). Эти бродячие часы – отголосок Вечного жида, который тоже мелькает у Шребера. Подобно странствующему богоотступнику, часовые души бродят где-то в преддверии конца.

Вот она, присущая бреду, вещественность символического, о которой пишут постлакановские авторы⁵⁵. Здесь все состоит из одного материала, все им измеряется, разделяется и задается. Лучи и нервы выпрадают из своих волокон пространство, время, причину и цель.

В плане буквального, «материального» увязывания бредового сюжета особую ценность представляет мотив профессии. Ведь профессия эта – специалист по нервным болезням. Ею определяется и целиком покрывается фигура Флехсига и его клана. Привилегированная специальность обеспечивает управление динамикой нервов и лучей: умение вступать в нервные сопряжения с Богом или душами живых и мертвых (или владение приемом соединения, слияния). К данной компетенции относится и процесс отвода, препятствия чужим нервам, стремящимся к соединению с Богом (прием разделения, дробления). Клан Флехсига хочет лишить этих способностей представителей семейства Шребера, которым навязывает запрет на всякое потомство или выбор таких профессий, как специалист по нервным болезням. Запрет – попытка вытеснения Шребера из пространства собственного тела (ибо пространство тела и есть нервы) и также – из движения времени (ибо он лишается потомства). Запрет на профессию есть заговор в физическом, пространственном выражении (отвод нервов от Бога и замыкание их на себя), и этим заговором, как цепью, связаны члены клана.

Есть у Шребера и другая важная тенденция к соединению – национальная, национально-конфессиональная, национально-политическая: души «сплавляются» в лучи иудаизма, лучи Яхве, лучи Зороастра и т. д.

Национальные одежды, которые иногда покрывают те или другие скопления лучей, начинают текст какими-то обрывками идеологий, намеками на знакомые смыслы, которые как будто пытаются прорваться сквозь невнятицу бредового повествования. «...Для некоторых душ на первом плане были национальные соображения. <...> Среди них – венский невролог, крещеный еврей и славянофил... хотел осуществить через мое посредство свои панславистские поползновения в отношении Германии и в то же время **обеспечить** господство иудаизма»⁵⁶. Национально-идеологическое знаменательно накладывается на профессионально-заговорщическое: «В своем качестве невролога он выполнял – совсем как Флехсиг по отношению к Германии, Англии и Америке – функции куратора интересов Бога для других божественных провинций»⁵⁷. Национальное хочет соединиться с дробящимся, мельчайшим, задержать убегающий смысл, скрепить остатки картины мира. При этом индивидуальное расчленяется и нивелируется. И в странной фауне «Мемуаров» возникают: крошечные

⁵⁵ Ср. формулировку Э. Сантнера: «Символическое значение производится непосредственно биохимическими процессами» (*Santner E. My own Private Germany. Daniel Paul Schreber's Secret History of Modernity. Paris.; New York: Princeton University Press. P. 75*). Цит. по: Мазин В. Указ. соч. С. 52. Ср. у Мазина: «Текст Шребера свидетельствует о том, как символическое измерение субъекта растворяется в органических процедурах, вещи проваливаются в слова» (С. 53).

⁵⁶ *Schreber D. P. Op. cit. P. 55–56.*

⁵⁷ *Ibid.*

существа, похожие на крабов или скорпионов и долженствующие производить разрушительную работу в той же несчастной голове Шребера. Среди них «различают “арийских” скорпионов, более крупных, и скорпионов “католических”».

Другим примером расчленяющего объединения предстает «орден иезуитов». «Иезуиты, то есть умершие души прежних иезуитов, внедрились в меня... нерв индивидуальной судьбы, с помощью которого хотели изменить мое сознание идентичности. Внутреннюю стену моего черепа покрывали... церебральной мембраной, чтобы погасить во мне всякий след воспоминания о моем собственном “Я”»⁵⁸.

Так, слипание дробного в союзы и множества, разрастание за счет разделения и пребывания в части, которая живет, зацепившись за точку в пространстве, определившись числом или целью (среди заговорщиков), соответствует процессу уменьшения. Последний есть не что иное, как «изменение» или убывание «идентичности», самостоятельности, «индивидуального нерва судьбы» или того, что не может быть сохранено в версии.

Шребер описывает это следующим образом: «...точно отныне... я должен был существовать лишь в какой-то иной, вторичной форме, более низкого духовного качества, <...> возможно ли было перенести меня в другое тело с частью моих нервов – этот вопрос я оставляю открытым <...> От лица этой формы ко мне обращались, чтобы сказать, что в прошлом жил другой Даниэль Пауль Шребер, интеллектуально гораздо более одаренный, чем я. <...> Поскольку кроме меня никакого другого Даниэля Пауля Шребера в семейной генеалогии никогда не было... я считаю себя вправе полагать, что этот Даниэль Пауль Шребер не кто иной, как я сам, владеющий своими нервами в полном составе. В этой второй, низшей форме, я рано или поздно должен был... скончаться»⁵⁹.

Версия – нечто низшее, не настоящее, уменьшенное. Продление или даже бесконечность существования в версии означает пребывание в ухудшенной или ослабленной форме-дубликате. Сокращение – это дробление неделимых целостностей: «я», душа, Бог (или Божественное благо, воля, замысел). Дробящийся Божественный замысел порождает заговор или буквально, в пространственном смысле отделяется от себя, ибо заговорщики, объединившиеся с Флехсигом, есть задние ряды Божественных царств. Бог, прилепившийся к заднику своих владений, делается из «союзника» человека сообщником или инспиратором Зла.

Наряду с дроблением декларируется другое свойство лучей: «Лучи должны говорить». Это свойство есть что-то необходимое, заявленный бредом императив и единственно возможный способ существования. Тема языка, говорения, приемов говорения, может быть, самая важная тема «Мемуаров». Не случайно именно анализ Шребера представляет лингвистическую теорию психоза Жака Лакана. Шреберовская вселенная соткана из обрывков языка, шреберовская мысль бесконечно вертится вокруг слов, частей речи, синтаксических конструкций и т. д.

Возвращаясь к вопросу о достоверности, отметим в первую очередь: в поисках ее Шребер часто прибегает к цитате. Это так (или это должно быть так), потому что сказано лучами, потому что так говорится в магической «формуле», потому что есть такое название. Несмотря на то что Бог – обманщик, провокатор, диверсант, Его слово, транслируемое лучами, сакрально.

События «Записок» не столько происходят, сколько объявляются: объявляется исчезновение планет (их названия цитируются лучами), объявляется о смерти Шребера, объявляется конец света, «Первый Божий суд» и проч. Объявляются и события, происходящие на теле Шребера, симптомы его болезни существуют как ссылки на произнесенное: «То, что зародыши проказы присутствовали на моем теле, подтверждается тем фактом, что в течение

⁵⁸ Ibid. P. 88.

⁵⁹ Ibid. P. 73.

определенного времени я был принужден к произнесению удивительных заклинательных формул, подобных этой: “Я первый прокаженный труп и я везу прокаженный труп”»⁶⁰. Текст пестрит кавычками, сверяется с принятой «ими» терминологией⁶¹. Закавычено здесь буквально все. Термины описывают устройство богочеловеческой машины, которая осуществляет контакт душ с лучами через «нервные соединения». Термины называют все маневры, к которым прибегают Бог и Флехсиг, а также контрманевры Шребера: «крепление к землям», «выдавать за кого-то другого», «божественные чудеса», «ведение записок» (о них впереди), «прерывать на полуслове». Термин не должен быть до конца понят, он скорее утверждает некую реалию, свидетельствует о том, что она есть, поскольку кем-то названа, принята определенной группой. Бог и опознается по слову, оно уличает его, доказывает его присутствие. Только Бог может крикнуть Шреберу «Пададь!», засвидетельствовав таким образом свой высший гнев и могущество. Шребер часто подчеркивает темноту и «путанность» голосов, которые он тем не менее должен привести в точности, процитировать в оригинале: «Путем странной путаницы в выражении мыслей это называют...» Возникает тема многоязычия, цитат из другого языка.

Однако маневры не только цитируются, они сами, по большей части, происходят на поле языка. Есть обычное говорение и есть внутреннее, говорение нервов, – объясняет Шребер.

В нормальных обстоятельствах человек по собственной воле заставляет их вибрировать и таким образом производит слова. Но когда порядок вещей нарушается, вибрация задается извне, говорение вызывается кем-то еще, становится вынужденным, насильственным. До некоторого времени соединение с Богом происходило по естественным законам, его подключение к языку, его инициирование мыслей не вступало в противоречие со свободой Шребера. Но однажды эта идеальная связь нарушается внедрением коварного Флехсига, «сумевшего приладиться» к божественным лучам, да и цели Бога в отношении Шребера становятся темны и двусмысленны.

Нарушение мироустройства или конец света, конец времени совпадают с тем, что вся система «внутренних команд» «стала поддерживаться искусственно, с помощью прямых божественных лучей». С этого момента слово утрачивает свободу – Шребер переживает его как удар по голове. Слово теряет цельность, дробится – автор постоянно говорит о частях, «остатках» языка.

Стратегия говорения совпадает с общей тактикой лучей – она агрессивна (отводит от Бога, разрушает разум) и одновременно разделительно-охранительна (препятствует растворению лучей в теле Шребера). Обе тенденции проявляются, в частности, в «системе» «ведения записок». Она возникает вместе с «креплением к землям». Есть существа-регистраторы, пребывающие где-то далеко, на «землях или небесных телах». Они записывают каждую мысль, каждое внутреннее побуждение Шребера и выпаливают ему все это, прибавляя какую-нибудь непонятную им самим тарабарщину. Они лишают его возможности подумать о чем-нибудь, ибо все время повторяют: «У нас уже есть», «Уже записано». Ведение записок гарантирует непрерывную коммуникацию «гаррот’а» ибо, как замечает Шребер, у них всегда заготовлен материал, которым заполняют паузы. Но сами эти существа – только тени, уменьшенные версии, лишенные инициативы, воли к действию, они лишь автоматы-медиумы, проводящие намерения лучей. Они подобны «наспех сделанным людям» и «напрочь лишены рассудка». Это лучи вкладывают им перо в руку, так что «служба **ведения записок** осуществляется “совершенно механически”»⁶². Вместе с тем лучи, прихо-

⁶⁰ Schreber D. P. P. 87.

⁶¹ Ср. о цитатах и терминах: Мазин В. Указ. соч. С. 92–93.

⁶² Schreber D. P. Op. cit. P. 113.

дающие впоследствии, могут узнать, что там было записано. Другой маневр лучей – **прерывание на полуслове** и близкий ему «вынужденной игры мысли» – непосредственное вторжение в речь Шребера, перестановка слогов, насилие над синтаксисом. Он свидетельствует о том, что лучи заставляют его нервы вибрировать на особых частотах, и это приводит к изменению произносимых им слов. Или же в его нервы «вдуваются» вспомогательные части речи, союзы и наречия. Тогда задаются причудливые цепочки: почему? – потому что; почему? – потому что я... Ответ на вопрос немедленно фабрикуется лучами: «Потому что я идиот». Вторжение в синтаксис, прерывание фразы вынуждает Шребера к механическому завершению ее, точно он исполняет чье-то рифмованное ожидание. По свидетельству Шребера, это стремление к «исчерпанию» смысла, вымыванию его. Синтаксические диверсии, как и все в его бредовой реальности, одеты в пространственно-физические оболочки, зримы, как фантастические фигуры, телесно-космическая конструкция, наносящая удар.

Синтаксис становится военной стратегией, ибо течение фразы материально, ее ритм есть не что иное, как направление и натяжение лучей, которые могут притягиваться и отводиться, дробиться, рискуя исчезнуть, раствориться, слиться, соединиться в новые «земли». Он говорит, что голоса – это нити, протянутые в его голове. Правильное построение фразы соответствует прямому ходу божественных лучей, усилению их притяжения к телу Шребера (а это опасно для их целостности). Нарушение синтаксиса, дробление фразы на вопрос и ответ – попытка отклониться от опасного пути.

При этом вопросы лучей подчас переживаются как стимулы к интеллектуальным усилиям, ибо Шреберу приходится задумываться «о причине и существе вещей» и доискиваться объяснений тому, что не замечается другими. Случается, их вопросительный маневр наталкивается на его ловкий контрманевр. Скажем, нужно представить кого-то («вот господин Шнайдер»), а лучи тут же влезают со своим «почему же. «Постановка вопроса о причине, безусловно, является странной в данном случае, схватывает мои нервы в нечто вроде механического сцепления, и они истощаются в бесконечных повторениях, пока я не нахожу способа произвести, я бы сказал, диверсию. Ну хорошо, этого человека зовут Шнайдер, потому что его отца тоже зовут Шнайдер, они не могут найти истинного удовлетворения в столь тривиальном ответе. И тогда объявляется целая серия исследований основ и происхождения мужских имен... и различных видов отношений (клан, узы родства, физические характеристики)»⁶³.

Акт называния вызывает недоумение. Имя как будто не может сохранить его носителя в его единичности, но дробит его в принадлежность к группе, образуя «земли» поколений, кланов, корпораций, профессий.

Дробление как изъятие проявляется и в отмеченной Шребером склонности лучей к омонимии. Говорящие инстанции, по свидетельству Шребера, все более тяготеют к бессмыслице, бессмысленному скандированию, повторению, дурацким куплетам. Таковы лучи, таковы их особые части – птицы, привлечшие внимание Фрейда, который сравнил их крики с бестолковым женским щебетом. Бессмыслица нарастает, священный язык Бога, *Grundsprache* (возвышенная версия немецкого, которая, по Шреберу, служила прежде доказательством богоизбранности арийцев), теперь все более вырождается.

Сами птицы, «останки небесных коридоров», все более вырождаются. Вместе с тем смысловая пустота соседствует с удивительными способностями лучей к своего рода «омонимии». Они легко воспроизводят звуковые оболочки, свободные в их устах от содержания. Эта тенденция, хотя и не в столь категоричном варианте, свойственна культурным цитатам, которыми полна книга образованного немца. В связи с мыслью о своем длящемся по окончании мира существовании, о своем одиноком и странном бессмертии посреди «останков»

⁶³ Schreber D. P. Op. cit. P. 191.

истории, наспех сделанных людей и иных исчезающих созданий Шребер вспоминает о Вечном жиде. «Голоса называли его Вечный жид». Впрочем, подчеркивает он, это название не имеет того смысла, который лежит в основании омонимичной легенды. Настоящая версия должна быть непременно освобождена от прежнего значения и как будто исполнена новым.

Вечный жид – выживший одиночка, который производит из своего сохранившегося разума новое поколение, – скорее походит на Ноя: не так ли творится игра готовыми смыслами в литературе?

Лакан, готовый признать, что Шребер-«писатель», решительно отказывает ему в «поэзии»⁶⁴. Судья владеет письменной речью, но это владение не делает его художником. Искусство называет новые смыслы, дает новые имена. А у Шребера предстает распад, вымывание значений, деградация самого языка. Кажется, и шреберовский Вечный жид – пример этого процесса. Шребер как будто настаивает на отказе от смысла, цитируя его пустую форму, обретающую ту же уменьшенную жизнь версии, как и все в его мире. В то же время художник, даже пытаясь снять один культурный слой и заменить его иным, работает с осадком прежнего значения, которое в самой своей отмене продолжает действовать.

* * *

Свойства и динамика лучей, запечатленных «талантливым параноиком» (Фрейд), породили огромную традицию толкований: психиатрических, психоаналитических, философских, литературных. Вокруг Шребера, феномена душевной жизни, «случая» и текста, выросла история идей, самые значительные главы которой принадлежат, по-видимому, сексуальной теории Фрейда и лингвистической трактовке Ж. Лакана. С оглядкой на Шребера складывается мифологическое видение болезни К. Юнгом и феноменология психоза К. Ясперса. Шребер – один из главных героев трактата о власти Э. Канетти. Наконец, он – в центре постструктуралистской философии паранойи, созданной Ж. Делезом и Ф. Гваттари.

На том уровне интерпретации, который можно назвать последним и одновременно исходным, голоса авторов не сходятся и часто противостоят друг другу. Что есть психический феномен, исходя из его первопричины, какие силы им движут? На этот вопрос мыслители и клиницисты отвечают в зависимости от мировоззрения, которое исповедуют. В этом ответе – ключ к их пониманию, к их системе.

Паранойя вырастает из психической (сексуальной, эмоциональной) истории субъекта, восходит к отцовскому комплексу, движима колебанием гомосексуального либидо: его токи проходят через всякое «я» и в случаях психоза оно оживает под влиянием драматических обстоятельств (Фрейд).

Паранойя восходит не к индивидуальной, но к общей истории, к «коллективному» бессознательному и вызывает к жизни древний солярный миф. Семейная драма с деспотичным отцом-физкультурником уступает место первоэпизоду человеческой трагедии – рождению культурного героя, его влечению к матери-смерти и сотворению мира через преодоление этого влечения (Юнг).

Паранойя (как один из типов шизофрении) – проводник Духа. Она – в одном ряду с творческим озарением, которое относится к необъяснимой области свободы, чистой «экзистенции» (Ясперс).

⁶⁴ См.: Lacan J. Les Psychoses. P. 91.

Паранойя принадлежит миру социальной физиологии или биологии, к первичным инстинктам властителя и массы. Параноик – это властитель, а сама власть есть болезнь (Канетти).

Паранойя очерчивает универсальное измерение человеческого «я», открывает доступ к его тайне. Обнажение последней, или собственно психоз, происходит из лингвистической «поломки», сбоя, исходного повреждения или дефекта означающей структуры, формирующей наше бессознательное, из выпадения или, скорее, «непринятия» в эту структуру базового «отцовского» означающего, заведующего строем всех человеческих смыслов (Лакан).

Паранойя не что иное, как гипертрофия «нормы», гипертрофия рациональности. Она представляет собой определенный механизм инвестирования бессознательного желания в социальное поле, при котором первое подчиняется последнему. Паранойя есть работа разного рода машин насилия: политической машины сегрегации, социальной семейной машины, символической машины единого «деспотического» означающего (Делез, Гваттари).

Однако, оставив в стороне эти последние основания, последние определения феномена, располагающиеся в разных сферах (сексуальной, мифологической, метафизической, социальной, лингвистической, «бессознательно» – «производственной»), подчеркнем те моменты в описании параноидального мира, его, по выражению Канетти, «структуры» и «населенности», которые сходны у многих авторов и становятся точками взаимодействия их концепций. Эти моменты позволят нам приблизиться к неким общим законам паранойи как определенного типа мышления, которое может быть воспроизведено (угадано или пережито?) в литературной поэтике.

– Психоз являет собой глобальный разрыв с реальностью. Шребер свидетельствует о том, что «в мире произошли глубочайшие внутренние изменения». В силу неких причин индивид более не находит себя в прежней действительности. Ему приходится перестроить ее так, чтобы она каким-то образом согласовалась с его новой самостью. Согласно Фрейду, «процесс создания бредовых представлений, который мы принимаем за симптом болезни, в действительности является попыткой исцеления, реконструкции»⁶⁵, попыткой поставить все «на свои места»⁶⁶.

– Главный прием перестройки, по Фрейду, – проекция. Мир отныне делается зеркалом, делается отражением «я» и его агрессивных интенций. Есть только «я» и «они» и направленные друг на друга зеркальные маневры. Проективность определяет особую роль пространственных образов, которыми изобилует параноидальное мышление. Движение границы собственного тела, его разрастание и убывание, вытеснение и поглощение соседей, вбирание их в себя и «заселенность» ими, опасность растворения в «чужих» и т. д. – таковы фигуры проективности.

⁶⁵ Фрейд З. Психоаналитические заметки о случае паранойи. С. 135.

⁶⁶ Об этом: Мазин В. Между доктором Шребером и доктором Фрейдом // Фрейд З. Психоаналитические заметки о случае паранойи. С. 212.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.